

A black and white promotional image for Anastasia Starikova. The image features a man and a woman positioned behind a strand of barbed wire. The woman, on the left, has blonde hair and is looking towards the camera with a serious expression. The man, on the right, has dark hair and is looking slightly to the right. The background is a blurred outdoor setting. The text 'Анастасия Старкова' is at the top, and '16+' is in a circle in the top right. At the bottom, the text 'Без права на нежность' is displayed.

Анастасия Старкова

16+

Без права на нежность

Анастасия Старкова
Без права на нежность

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Старкова А.

Без права на нежность / А. Старкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Марина Алмакаева - успешный журналист и заместитель редактора модного молодежного журнала. У нее есть любимая работа и любимый человек, за которого она собирается выйти замуж. Все меняется, когда у Марины появляется новый сосед - таинственный Данил. Он одевается исключительно в черное, ездит на черном пикапе, и с ним всегда - черная овчарка Дакота...

Без права на нежность

Пролог

Пожалуйста, небо, не надо больше,
Я жить без него не могу, не умею.
Хочу в это сердце ворваться с разбега,
Пожалуйста, небо, пожалуйста, небо...

– Не знала, что тебе нравится Анита Цой.
– Только эта песня. Попала под настроение.

Мы с Олей сидели за барной стойкой у меня на кухне. Подружка помешивала ложечкой подтаявшее фисташковое мороженое, я – соломинкой кубики льда и ломтики лимона в бокале бакарди. Было уже около одиннадцати, я выключила верхний свет, оставив только маленькие фонарики над стойкой. Балконные двери были распахнуты, лёгкий ветерок раскачивал шторы и доносил ароматы жаркого июньского вечера: он пах морем, горячим попкорном, сахарной ватой и вишнёвыми «Ричмонд» – самыми модными в то лето сигаретами. Я жила в доме на набережной, в самом центре, и звуки города не стихали до поздней ночи. Но я любила их слушать. Сейчас было уютно и спокойно. Сидеть бы так целую вечность и ни о чём не думать. Отключить все мысли и чувства. Стать чистым листом бумаги. Смыть с души, как с палитры, весь этот пёстрый хаос красок-страстей и начать рисовать заново. Я бы взяла пастель. Мне так хотелось спокойствия, прозрачности, чистоты...

Я плеснула себе ещё немного бакарди и добавила льда.

– Плохо? – сочувственно спросила Оля.

Я слегка улыбнулась.

– Знаешь, стало немножко легче после того, как выговорилась.

Олька умела слушать. Она никогда не осуждала и не упрекала. И рассматривала любую ситуацию с точки зрения верующего человека. Даже в большей степени, чем я сама.

– Я думаю, тебе надо уехать куда-нибудь. Хоть на несколько дней. Сменить обстановку.

– Надо, – вздохнула я.

От себя не убежишь, это факт. Но я... так устала. Я совсем запуталась. Любить человека с поломанной судьбой – крест, который дал мне Господь или который придумала я сама? Нелегко быть Гердой, если на месте Кая не невинный мальчик, а волк-одиночка с больной душой. У каждого в этой жизни своя война. Моя собственная началась в прошлом году, в ноябре...

часть первая

Остывшее небо

20 ноября

Осень. Я её чувствовала. Как все писатели – особыми струнками души. Осень это... прохлады. Прозрачность. Остывшее небо, потерявшее свою густую гуашевую синеву. И ветер – чистый, холодный, как глоток воды со льдом.

Было раннее утро. Я сидела в городском парке, на скамейке перед деревянной летней эстрадой, кутаясь в любимый кашемировый шарф. Пахло свежей выпечкой из маленькой пекарни неподалёку. Надо будет купить сдоек к кофе. Помню, студентами мы прогуливали здесь, в парке, нелюбимые пары. Сидели на этих самых скамейках перед эстрадой и грели пальцы о пластиковые стаканчики с кофе.

Ностальгия... Горьковато-сладкая, как тёмный шоколад, или запах дыма от сожжённой листвы.

До начала рабочего дня оставался ещё целый час. Я работала в редакции популярного городского журнала. Совмещала должности заместителя главного редактора и журналиста, а ещё вела литературную рубрику «Вне формата», в которой публиковались работы молодых авторов.

Родителям не нравилась моя работа. Они считали, что модный гляцевый журнал не совсем подходящее место для православной девушки. С одной стороны, я была с ними согласна, но с другой, журнал для меня слишком много значил. Мы с ребятами стояли у истоков этого проекта. Вложили в него столько сил, столько труда. И он оказался крайне успешным. В конце концов, я неплохо зарабатывала. Настолько неплохо, что смогла взять кредит, чтобы сделать ремонт в квартире, которая мне досталась от бабушки с дедушкой. Она находилась в старом доме на набережной – такие квартиры с высоченными потолками и крошечными балконами, украшенными лепниной, назывались сталинками. Я очень любила старые дома, гораздо больше, чем современные многоэтажки. В старых домах было что-то особенное. В них ещё жил дух того, прежнего города: маленького, тихого и очень уютного, заросшего тополями и платанами.

В квартире пришлось сделать перепланировку: отделить часть комнаты, чтобы увеличить кухню. Кухня вообще была предметом моей особой гордости. Я заказала настоящую барную стойку и суперсовременную кухонную мебель со встроенной электродуховкой и зеркальной варочной поверхностью, стеклом и хромом в отделке, и кучей всяких шкафчиков, ящичков, подставок и крючочков для кухонных принадлежностей. Я безумно любила готовить и особенно печь. У меня даже была мечта – когда-нибудь открыть собственное кафе или арт-кондитерскую.

Вечером позвонил Миша.

–Привет, Мариш. Чем занимаешься?

– Привет, отдыхаю. Только с работы вернулась.

–Сильно устала?

– Хочешь меня куда-то пригласить?

– Предлагаю поужинать в ресторане «Империяла», мы ведь давно туда собирались. Ты как?

– С удовольствием! Мне там очень понравилось.

Совсем недавно я побывала в «Империяле» на международной писательской конференции.

–Заедешь?

–Конечно, через полчаса.

–Договорились.

С Мишей мы были знакомы много лет. Наши мамы ходили в один храм, так и подружались. Мне тогда было тринадцать, Мише шестнадцать. Он всегда мне нравился: симпатичный парень, улыбчивый, открытый. С ним было легко и весело. Правда, поначалу он относился ко мне, как к младшей сестрёнке. А взрослые шутили: мол, невеста растёт. Он отучился на судоводительском факультете «вышки» и уже несколько лет ходил в море, как и мой папа. Все считали нас очень красивой парой, а наши родители не могли дождаться, когда же мы, наконец, поженимся. Особенно моя мама. По её мнению, всё должно было быть, как положено – дочь передавалась из родительских рук в руки мужа. А я, нарушая все традиции христианского воспитания, уже год жила одна, да ещё и работала в «гламурном» журнале.

Через полчаса я уже стояла внизу, у подъезда. Осенние сумерки набросили на город прозрачно-дымчатую вуаль. Зажигались фонари. Я выдохнула облачко пара и подняла воротник пальто – было свежо. Подъехал Миша. Я села в машину.

– Ну, привет, радость моя.

– Привет, – улыбнулась я.

Он уезжал в Москву на несколько дней, получать американскую визу, и мы ещё не виделись. Только созванивались.

Сама не знаю, почему мини-отель «Империял» так запал мне в душу. Он был каким-то по-домашнему уютным и напоминал загородную виллу в стиле прованс.

– Как мне здесь нравится, – сказала я, оглядывая зал.

Мы сидели за столиком у самого окна, и из него открывался волшебный вид на озеро Абрау.

– Согласен, очень уютно. Что будем заказывать?

– Главное, какой-нибудь жутко вкусный десерт!

Он рассмеялся.

– Я так и знал, сладкоежка.

– Я вообще могу питаться одним шоколадным печеньем и фисташковым мороженым, – пошутила я.

– Это я знаю.

Девушка-официантка принесла нам меню и зажгла свечу в пиале из молочно-матового стекла.

– Было бы здорово провести здесь пару-тройку дней после свадьбы, – задумчиво сказала я.

Миша как-то странно на меня посмотрел.

– Ты почему сейчас это сказала?

– Что? – не поняла я.

– Про свадьбу.

– Просто так... подумалось вдруг. А что?

Он засмеялся и покрутил головой.

– Ну, надо же! – потом перегнулся через стол и взял мою руку в свою. – Раз уж ты сама об этом заговорила, не буду тянуть: Марин, выходи за меня замуж...

Вот оно как! Я невольно улыбнулась. Было у меня предчувствие, что этот поздний ужин в «Империяле» – неспроста.

– Если честно, я ожидала чего-то подобного.

– У меня на лице было написано, что я собираюсь тебе предложение сделать?

– Просто женская интуиция – великая вещь.

– Ну, с этим не спорю. Ты не ответила... – я видела, что он волнуется и тщательно старается скрыть своё волнение.

– Миш, я...

Всё к этому шло, разве не так? Я уже сотни раз об этом думала и приходила к выводу, что это будет самым правильным решением. Он меня любит. А я... Я испытываю к нему как раз те чувства, на которых должен основываться настоящий христианский брак. Мы так давно друг друга знаем, мне с ним уютно, надёжно, спокойно. Это дорогого стоит. Наши родители будут просто счастливы. Сотни аргументов «за» и лишь один «против» – крошечное зёрнышко сомнения в том, что это **она**, та самая настоящая любовь, которая – один раз и на всю жизнь. Хотя, кто знает, какая она – настоящая?

Я глубоко вздохнула.

– Да.

– Да?

- Да, я согласна.
– Ну, слава Богу, – он поцеловал мою руку, а потом прижал к щеке. – Мне показалось, что ты сомневаешься.
– Разве мне не положено? – лукаво спросила я
Миша улыбнулся в ответ:
– Тогда, чтобы всё было совсем как положено... – он достал из кармана коробочку.
– Только не говори, что там...
– Кольцо, – закончил он. И тут же добавил: – Я знаю, что ты любишь серебро, но это белое золото. Посмотри.
Если честно, это было волнительно. Я подняла крышечку.
– Очень красивое!
– Тебе нравится?
– Оно не может не нравиться!
– Тогда давай надену?

Я кивнула.

Он вынул кольцо из коробочки и надел мне на палец. Смотрелось оно просто потрясающе: прозрачный бирюзово-голубой камень в обрамлении бриллиантовой крошки на фоне сверкающего белого золота.

Ну вот, можно считать, что я официально помолвлена. Без пяти минут жена. Самой не верится...

Мы просидели в ресторане «Империала» почти до полуночи. Столько всего нужно было обсудить... Я пила глинтвейн и внимательно прислушивалась к себе. На душе было спокойно и тепло. Значит, всё правильно.

21 ноября

На следующее утро меня разбудил мамин звонок.

- Доча, ты почему мне не сказала!
– Чего не сказала? – пробормотала я.
– Что Миша сделал тебе предложение! Такая новость! А я её от тёти Тамары узнаю!
«И чего тёте Тамаре не спится?» – подумала я. В спальне было темно. Ночные шторы плотно задёрнуты. Я поднесла к глазам запястье с часами. Почти восемь. Да я проспала!
Я вскочила с кровати.
– Мам, давай, я тебе попозже перезвоню! Или лучше заеду после работы, и мы нормально поговорим, ладно? А то я сейчас жутко тороплюсь. Ну, всё, пока!

Я быстро собралась, побросала в сумку ежедневник, телефон, ключи от машины и выскочила за дверь

На улице шёл дождь, горы были затянуты сплошной серой пеленой. В такое время года мне всегда хотелось надеть что-нибудь яркое, накрасить ногти лаком сочного ягодного цвета, вместо обычного, бледно-розового, купить новые духи с цветочно-фруктовым ароматом. Это называлось «синдром глубокой осени». Сказывался дефицит тепла и ярких красок. Я вообще была метеозависима, как... Мэри Поппинс.

Сегодня вечером в клубе «Биттлз» должен был состояться показ авторского кино. Наш журнал организовывал такие показы каждый месяц, и на них обычно собиралась вся городская богема. Я не очень любила подобные мероприятия, но положение, как говорится, обязывало.

Позвонил Миша:

- Доброе утро, невеста.
– Привет, жених.

Мы оба рассмеялись.

– Моя мама так рвалась сообщить твоей это радостное известие, что я не успел её остановить.

– Ничего страшного, я её понимаю. А я сегодня проспала, представляешь?

– Серьёзно?

– Ну да. До четырёх утра файлы систематизировала в голове, а потом отключилась. Ты идёшь со мной на показ вечером? Фильм обещает быть интересным.

Мы собирались смотреть Кустурицу.

– Если успею, у меня курсы до семи. Кстати, наши родители на выходных собираются семейный ужин устроить...

– Отличная идея. И повод испечь мой фирменный пирог.

– М-м-м, с маскарпоне?

– Да-а, – улыбаясь, протянула я. В этот момент я уже заезжала на парковку офисного центра. – Ладно, Миш, я почти на работе, созвонимся ещё.

– Пока, Мариш, целую.

В обеденный перерыв Танюшка потащила меня в солярий.

– Пошли-пошли, надо восполнять нехватку витамина D. Потом ещё в пару магазинов заскочим, поможешь мне платье для новогодней вечеринки выбрать.

– Тань, до нового года ещё больше месяца.

– Потом будет некогда.

В итоге, мы опоздали в редакцию на полтора часа. Поддавшись внезапному порыву, я купила себе белое кашемировое пальто. Обожаю кашемир. И кожаные перчатки в тон. А ещё просто умопомрачительные висячие серьги в форме снежинок от Swarovski.

– Ты на меня плохо влияешь, – сказала я Тане.

– Да брось, шикарное пальто. Я тебя в нём фотографировать буду. Устроим фотосессию. А серьги подходят к кольцу. Очень красивое, откуда?

Я улыбнулась.

– Это подарок. Я, вроде как, замуж выхожу...

Подруга вытаращила на меня глаза.

– Вроде как?! Что значит «вроде как»? Нет, подожди, и ты молчала?!

Я скромно пожала плечами.

– А что в этом такого?

– Ну, ты даёшь! Выходит замуж и говорит, что в этом такого! С ума сошла! И когда?

– Ещё не решили, но ближе к лету, наверное...

– Здорово! Чур, я с тобой выбирать платье. Поедем в «Torazza pella». О, я знаю мастера, который делает обалденные свадебные причёски.

Я рассмеялась.

– Мой персональный гид в мире моды и гламура, с тобой не пропадёшь.

– А то!

К концу рабочего дня вся редакция уже была в курсе. Кто бы сомневался!

– После показа отмечаем это радостное событие! – объявила Таня.

22 ноября

Утром меня разбудил телефонный звонок. Я открыла глаза и посмотрела на часы. Десять. Это входит в привычку.

–Алло...

–Маришка, привет! Ты не забыла, что сегодня к нам в гости собиралась? – это была Оля. Они с мужем жили за городом, и на выходные я обычно приезжала к ним на дачу. Оля

пекла что-нибудь вкусенькое, Олег топил баню. Жили они практически в лесу, и для меня это был замечательный отдых от городской суеты.

– Наверное, помню, – пробормотала я. – Пока не могу сообразить.

– Разбудила? Ты же рано встаёшь...

– Ну да, – я силилась открыть глаза. – У меня видимо... сбой программы. – «С коктейлями вчера вышел явный перебор».

Подруга засмеялась.

– Давай, приходи в себя, и к нам. Я пирожки буду печь с яблоками. Олежка уже баню пошёл топить. Кстати, очень полезно, после «сбоя программы», – пошутила она.

– Всё, встаю. Ради твоих пирожков готова на подвиг.

Срочно в душ. Голову мыть я не стала, слишком долго сушить. Я не стриглась лет с четырнадцати. Принципиально. Отращивала волосы. Теперь они были длинной почти до талии. Возни, конечно, много, но коса, как у Лары Крофт того стоила.

Я выпила только чашку зелёного чая. Натянула джинсы, рубашку, любимые мягкие замшевые сапоги, набросила пальто, и, захватив ключи от машины, спустилась вниз. До Горного было полчаса езды.

Аромат горячей выпечки с неповторимыми нотками яблок и корицы встретил меня ещё у ворот. Олег открыл калитку.

– Ну, привет, – улыбнулся он. – Мы тебя уже заждались. Баня готова. Можно лечиться.

Всегда бы так лечиться. Баней, а потом чаем с травками и мёдом – у Оли с мужем была своя пасека.

– Я у вас жить останусь, – заверила я. – Который раз я это говорю?

– Уже со счёта сбилась, – ответила Ольга.

– Точно останусь! Или тоже за город перееду. Только надо такого же мужа, как твой Олег найти, чтоб дрова колот, огород копал...

Оля с Олегом познакомились... в монастыре. Оля много ездила по святым местам. Олег – мастер по дереву, работал на восстановлении одного из храмов в Шамордино. Оля приехала туда на послушание. Познакомились. Потом долго переписывались, ездили вместе паломниками. Ну, и, в конце концов, поженились.

– Ну да, – сказала Оля. – Твой Миша совсем не деревенский парень. Как у него дела?

Я улыбнулась

– Собственно говоря... вот, – и протянула руку с кольцом. – Мы тоже, наконец, решили пожениться.

Надо было видеть Олькино лицо!

– Мариш, это здорово! – воскликнула она. – Я так за тебя рада! Почему же ты сразу не сказала?

– Так я и говорю.

– Скоро?

– В мае или начале июня.

Мы сидели на открытой веранде во дворе, и мне было хорошо видно, как к воротам соседского дома подъехал огромный чёрный пикап «Нисан-Навара». Из него вышел высокий широкоплечий мужчина в облегающем чёрном свитере, чёрных брюках и чёрной шапочке. Он придержал дверь, и на землю прыгнула чёрная овчарка. Выглядело всё это настолько эффектно, что я невольно засмотрелась.

– Какой у вас сосед интересный... Я раньше его никогда не видела.

Оля обернулась.

– А, это Данил. Загадочная личность...

– Он всегда с собакой ездит? – поинтересовалась я.

– Всегда!

– Однако, – я покачала головой. – Одет в чёрное. Собака чёрная, машина тоже. Говорят, любимый цвет отражает состояние души человека.

– Ты знаешь, а ведь правда, – задумалась Ольга. – Он вообще, такой... волк-одиночка. Живёт один. У него вроде бы своя школа боевых искусств или что-то подобное. Они с Олегом общаются немного, ну так, по-соседски, но он ничего о себе не рассказывает. Замкнутый очень.

– Ты меня совсем заинтриговала. Во мне проснулся профессиональный интерес.

Проснулся – слабо сказано. Впору стойку делать.

– А что за школа у него? Мы как раз планировали писать про боевые искусства в этом номере.

– Маришка, я в этом не разбираюсь, – отмахнулась Ольга.

Данил в это время подошёл к калитке и окликнул Олега. Они о чём-то поговорили, а потом вместе пошли к сараю, где хранились дрова.

– Привет, сосед, ты нас грабить собрался? – в шутку спросила Оля, когда они проходили мимо.

Он кивнул.

– Немножко. Забыл, что у самого пусто.

Знаете, есть такие лица, которые моментально цепляют своей привлекательностью. Именно такое лицо было у Данила: загорелая кожа, красивый разлёт густых бровей над тёмно-кариыми глазами. И шрамы. «На пирата похож, – подумала я. – Ещё эта шапочка... Только серьги в ухе не хватает. И пары пистолетов за поясом». У него была фигура профессионального спортсмена, под облегающим свитером отчётливо проступал рельеф мускулов.

Вот меня и зацепило. Мгновенно. Это был какой-то особый холодок внутри. Как после глотка мохито. Или шарика мятного мороженого. И трепет. Пресловутые бабочки в животе.

– Слушай, Оля, а пригласи-ка ты его чаю попить, – вдруг сказала я. И сама себе удивилась. – С пирожками. Я про школу спрошу.

– Ой, даже не знаю. Вряд ли он согласится.

– А ты попробуй.

– Профессиональный интерес, говоришь? – лукаво спросила подруга.

– Чисто профессиональный, – заверила я. И сама засомневалась. Бабочки – это неспроста...

– Ладно, – Ольга встала с кресла. – Уговорила. Ох уж мне эти журналисты-писатели, – и пошла к сараю.

Я плотнее закуталась в плед. Мятный холодок блуждал где-то внутри и мешал ровно дышать. В жизни со мной подобного не случалось...

Считается, что все творческие личности чересчур влюбчивы и романтичны. Наверное, я была исключением из правил. Мама с детства воспитывала меня в христианском духе, и я чётко осознала, что главное для девушки – это целомудрие. К тому же, я всегда была сконцентрирована на творчестве больше, чем на чём-либо другом. Наши отношения с Мишей тоже можно было назвать абсолютно невинными, если не считать пары-тройки поцелуев. Он никогда не позволял себе ничего большего. И я это очень ценила.

– Знакомьтесь, – сказала Оля. – Марина. Данил.

Я подняла глаза и улыбнулась.

– Очень приятно.

– Мне тоже, – ответил он без улыбки.

Олег пошёл ещё раз ставить чайник, а Ольга доставать из духовки очередную партию пирожков.

Данил производил впечатление абсолютно закрытого человека. За всю свою журналистскую практику я таких людей ещё не встречала. Обычно у меня не возникало проблем с налаживанием контакта. Таня поручала мне все ответственные интервью. Я была симпатичной

девушкой, а приятная внешность – это выгодный козырь, особенно для журналиста. Плюс безупречный внешний вид. У меня вошло в привычку продумывать свой образ до мелочей. Когда занимаешь пост заместителя главного редактора, по сути, являясь лицом издания, иначе нельзя.

Только сейчас ни моя безусловная «симпатичность», ни умение легко и просто находить с людьми общий язык не принесли совершенно никаких результатов. Если бы я брала у Данила интервью, оно было бы провальным.

– Да уж, – вздохнула я, когда он ушёл, сказав дежурное «спасибо-было приятно познакомиться», – моей журналистской самооценке нанесён серьёзный удар. Я бы даже сказала – удар ниже пояса.

– Да перестань, – успокоила Оля. – Не в тебе дело, просто он такой.

– Интересно, почему?

Оля пожала плечами.

– Люди разными бывают. Тебе ли не знать.

– Вот именно. Любому поведению есть своё объяснение. Знаешь, чем он занимается? Тренирует бойцов для «микс файт».

– Что такое «микс файт»?

– Бои смешанного типа. Без правил, короче.

– Ничего себе!

– Это единственное, что мне удалось выпытать, – я взяла ещё один пирожок и откинулась на спинку кресла. – Знаешь, мне кажется, что-то у него в жизни такое произошло...

– Так, хватит психоанализом заниматься, – засмеялась Оля. – Давай лучше о твоей свадьбе поговорим.

26 ноября

Следующие несколько дней я всеми силами старалась выбросить Данила из головы. Вот зацепило, так зацепило. Я убеждала саму себя, что причиной всему – профессиональный интерес журналиста и писателя к неординарным личностям. Но вместе с тем понимала, что он просто на просто мне понравился. Настолько сильно, что я всё время о нём думала. Это сбивало с толку и вызывало угрызения совести. Особенно, в свете предстоящей свадьбы. Прямо искушение какое-то!

В конце концов, выручила работа. Мы сдавали номер, и у меня не было ни минутки свободного времени.

Я как раз просматривала вёрстку, когда в кабинет заглянула Маша, наш менеджер по рекламе:

– Мариш, там к тебе какой-то парень пришёл. Говорит, от тёти Наташи.

– А, поняла, – я сняла очки. Совсем забыла. Мама мне говорила – сын тёти Наташиной подруги, который пишет стихи. Прочёл мой сборник и горел желанием со мной познакомиться. Я сказала, чтобы он принёс в редакцию свои стихи. А вдруг парень окажется талантливым? Мне как раз был нужен свежий автор для январской «Вне формата». – Скажи, пусть заходит.

– Угу, – Маша помедлила у двери. – Только, знаешь, он какой-то странный...

– Все поэты странные, – я встала с кресла и потянулась. Потом подошла к окну и щёлкнула кнопкой электрочайника, стоявшего на подоконнике.

Вошёл парень: высокий, крепкий, с длинными вьющимися волосами, собранными в хвост. Он был одет в потёртые джинсы и чёрную ветровку с капюшоном. На обоих запястьях красовались кожаные браслеты с клёпками. «Так, влияние рок-культуры – налицо, – подумала я».

– Привет, – улыбнулся он. – Меня Иван зовут.

– Привет. А я Марина.

– Я знаю, я читал твою книгу. Мне очень понравилось.

– Приятно, когда людям нравится. Хочешь чаю? – предложила я. – Или кофе?

– Нет, спасибо.

Теперь я поняла, что показалось Маше странным – манера разговора и выражение лица при этом. Разговаривал он медленно, и как-то...вкрадчиво. И очень странно при этом улыбался. Так обычно ведут себя люди, находящиеся под действием наркотиков или не совсем здоровые психически. Именно такое складывалось впечатление.

– А я выпью, не возражаешь? А то даже не обедала сегодня...

–Конечно.

– Ты садись, – я опустила в кружку пакетик с заваркой и налила кипятка. – Так ты тоже пишешь?

– Да. Стихи и тексты песен. Я, вообще-то, музыкант...

«Что и требовалось доказать», – подумала я. Я даже была уверена, что знаю в каком стиле он пишет.

– Принёс что-нибудь почитать? – не могла же я сразу сказать: «Извини, не формат даже для «Вне формата».

– Да, я скинул всё на диск.

– Отлично, – я с кружкой вернулась к столу и присела на краешек. – Я прочту, а потом позвоню тебе, договорились?

Он кивнул. Потом снова улыбнулся.

– Тебе должно понравиться.

– Не всё зависит от меня, есть ещё главный редактор...

– Да мне не важно, напечатаете вы или нет. Просто хочется, чтобы ты почитала.

Он так на меня смотрел, что я сразу поняла: я ему понравилась. Более того, у меня сложилось впечатление, что, прочитав мою книгу, он уже «запрограммировался» на то, что я ему понравлюсь. При этом парень действительно казался немного странным. Мне так и хотелось спросить: «С тобой всё в порядке?»

– Оставь мне свой номер телефона, как только прочту, сразу позвоню. Иван, ты извини, но у меня столько работы...

– Я понял. Запиши номер, я буду ждать.

Он ушёл, а я ещё долго не могла отделаться от какого-то неприятного ощущения. Вспомнился фильм «Фанатка». Я сунула диск в дисковод ноутбука и заставила себя начать читать. Интуиция меня не обманула: характер у стихотворений оказался зловещим и маниакально-депрессивным. Я поморщилась. Даже не стану ему звонить. А маме скажу, чтобы больше не присылала ко мне разных сомнительных персонажей...

28 ноября

Суббота. Раннее утро. Я вышла на балкон с чашкой кофе. Вот оно – предчувствие зимы. Будет снег, точно. Предснежное небо не спутать ни с чем. И вкус у воздуха, как перед снегопадом. Позвонила Таня.

– У меня законный выходной, – сказала я в трубку.

– Нет, ты посмотри на неё, – возмутилась подруга. – Даже не здороваются. Так, надевай своё новое пальто, перчатки, поедем на фотосессию. И платье в «Tорazza» посмотри.

– С ума сошла? Там снег будет, я ещё резину не меняла...

– Зато я поменяла. Только что. И уже к тебе еду.

– Просто безобразие какое-то, – вздохнула я. – Ладно, от тебя же не отделаешься. Пошла одеваться.

Я позировала на набережной, пока окончательно не замёрзла. Но Таня, кажется, осталась довольна, нужные кадры она поймала. Потом мы грелись горячим шоколадом в «Джакатте».

– Заявление уже подали? – спросила подруга.

– Нет ещё. Миша после Нового года в рейс уходит. Как вернётся, сразу подадим.

– А ты уже представляешь себе, как всё это будет?

Я улыбнулась.

– Конечно. Хочу, чтобы свадьба была скромная, но красивая.

– Так не бывает.

– Почему? Скромная – не в смысле простая, а в смысле ... – я задумалась. – Хочется чего-то особенного, утончённого что ли, изысканного. И без всей этой суеты, криков «горько», дурацких тостов. Знаешь, я однажды была на свадьбе у адыгов. Тихой её назвать, конечно, нельзя – национальная музыка, танцы... Но меня вот, что поразило: они не кричат «горько» и не целуются на людях. Понимаешь, не принято. Есть понятие стыда, невинности, целомудрия... На протяжении всей свадьбы жених целовал невесте только руку. А гости одобрительно хлопали. Они чтут традиции, хотя женились молодые ребята, очень современные. Почему у нас всё по-другому?

Таня вздохнула.

– Не знаю. Тогда тебе придётся написать памятку каждому гостю, с указанием, как себя вести.

– Напишу, если понадобится.

– Хочется, чтобы всё было идеально, да?

– Очень. А как иначе? Особенно на венчании...

– Я всего один раз это видела, красивый обряд. Я в числе приглашённых, надеюсь? – вдруг подозрительно спросила она.

Я рассмеялась.

– Если обещаешь, не кричать «горько».

– Обещаю! Заклею рот скотчем! Готова на любые жертвы.

– Считай, что уговорила! – я сделала глоток шоколада. – Хочу платье цвета шампанского.

Таня моментально подскочила:

– Поехали в «Topazza»!

1 декабря

Всю ночь шёл снег. Ранняя в этом году зима... Я сидела на широком подоконнике в зале и смотрела в окно. Ни гор, ни порта не было видно, как будто небо спустилось до самой воды. Только небо и море. В воздухе кружились снежинки. На парапете набережной, облицованном тёмно-коричневой плиткой, лежал толстый слой снега, как шапка взбитых сливок на шоколадном кексе.

Надо на работу собираться, сегодня планёрка.

Я оделась, потом захватила свою необъятную фурловскую сумку, ключи от машины, вышла из квартиры и... остолбенела: соседняя дверь была приоткрыта, а на пороге сидела чёрная овчарка. Точно такая же, как у Данила. «Быть этого не может!» – подумала я. Тут дверь распахнулась, и на лестничную площадку вышел он сам.

– Доброе утро, – машинально сказала я. Такие совпадения только в фильмах бывают. Или в книгах. Но не в реальной жизни. Я точно знаю. Я сама писатель...

– Доброе. – Ответил он. Ни намёка на улыбку, ни капли доброжелательности. Абсолютно непроницаемое лицо. Как будто и не удивился, когда меня увидел.

– Мы теперь с вами соседи? – спросила я.

– Выходит, что так, – он запер дверь. – Извините, тороплюсь. Пошли, Дакота, – и они стали спускаться по лестнице.

Вот это да-а-а... Я постояла ещё несколько секунд, а потом тоже пошла вниз. Я всё ещё находилась под впечатлением. Чёрный «навар» как раз отъезжал от подъезда. Я села в машину и набрала Олин номер – мне нужно было с кем-то поделиться.

– Привет... Не поверишь, но ваш сосед теперь – мой сосед!

– Это как? – не поняла она.

– А так! Я сейчас с ним на лестничной площадке столкнулась.

– Да ладно?

– Угу, – я закусила губу. Нет, это надо же! Потом рывком повернула ключ в замке зажигания. – В этой квартире со мной по соседству уже года три никто не живёт. Купил он её, что ли...

– Ничего себе совпадение! – засмеялась Олька.

– Какое совпадение? Это издевательство!

Я, который день пытаюсь от этого наваждения избавиться, и – на тебе!

День, кстати, не заладился с самого утра. В редакцию снова пришёл Иван.

– Скажи, что я занята, – попросила я Машу. Ну, не было у меня абсолютно никакого желания с ним общаться. Маша ушла, но минут через пять вернулась.

– Марин, он не уходит. Требуется тебя. Может охранника снизу вызвать?

В другой раз я, может, и не решилась бы на столь радикальные меры, но сегодня мне «чёрная овчарка» дорогу перебежала»

– Вызывай.

Этим дело не кончилось. Когда я, после пяти, вышла из редакции, Иван поджидал меня на улице. «Ну вот, не хватало, чтобы он меня преследовать начал» – подумала я. И быстро пошла к машине, на ходу доставая ключи.

– Марина, подожди! – он догнал меня и придержал дверцу. – Я же только поговорить хотел. Зачем охрана?

– Я очень не люблю навязчивость, – сказала я. – А то, что ты прождал меня полдня на улице при такой погоде, выглядит, по меньшей мере, странным.

– Я хотел тебя увидеть. Поговорить. Ты не позвонила...

– У меня сейчас много работы, сдача номера...

– Ладно, – он улыбнулся своей странной улыбкой. – Ладно, я понял. Слушай, я тебя хотел в свою студию пригласить, я написал музыку на твои стихи. Поехали?

Он что, шутит?

– Я ведь только что говорила тебе, что занята.

– Хорошо, не сегодня. Завтра. В любое время.

Я вздохнула.

– Иван, если у меня появится возможность, я тебе позвоню. Извини, я тороплюсь, – и я захлопнула дверь. «У этого парня просто какие-то маниакальные наклонности», – невольно подумала я.

5 декабря

– Ты чего такая задумчивая? – спросила меня Таня.

Был обеденный перерыв, и мы с ней сидели в кафе на втором этаже офисного центра. – Уже который день замечаю.

Я рассеяно подцепила вилкой листик салата. Есть что-то совсем не хотелось.

– У меня новый сосед. Бессовестно-эффектен: одевается исключительно в чёрное, ходит везде с чёрной овчаркой без поводка. И ездит на чёрном пикапе «навар».

Таня даже перестала жевать.

– Шутишь?

– Какие уж тут шутки. Я его вторую неделю не могу из головы выбросить. У меня свадьба не за горами, а тут... – я смяла салфетку.

– Злишься, потому что тебя зацепило, – догадалась Таня.

– Да! Так и есть.

– Не нервничай. Бывает такое. Все мы люди.

– Знаю. Просто со мной такого ни разу не было. И это именно сейчас, когда мне нужно совсем о другом думать...

– Мариш, жизнь она такая штука, не спрашивает, когда подставить подножку.

Это точно. Коварная-коварная подножка

Мы встречались чаще, чем мне бы этого хотелось. Видимо, срабатывал стандартный закон подлости. Со мной Данил вёл себя подчёркнуто равнодушно. Даже Дакота была дружжелюбнее. После того, как я попросила разрешения её погладить, овчарка стала вилять хвостом при встрече.

– Это чей там танк такой, – спросил как-то Миша, когда приехал ко мне. – Рядом с твоей «ауди» стоит. Уже не первый раз вижу...

– «Навара»? Моего соседа, – я сосредоточено взбивала венчиком яичные желтки, собиралась печь бисквит.

– У тебя сосед появился?

– Угу, в квартире напротив.

– Кто такой?

– Тебя что, интересует мой сосед? – спросила я как можно небрежней. «А как он интересуется меня, кто бы знал...»

Миша пожал плечами.

– Просто спросил, – он сел за барную стойку. – Во сколько к родителям поедем?

– Часиков в семь, думаю. Пирог как раз пропитается.

Это был мой фирменный вишнёвый пирог: бисквитное тесто, прослойка ягод и крем из маскарпоне и взбитых сливок. И много-много тёртого шоколада сверху. Пальчики оближешь. У нас сегодня намечался семейный ужин, дома у моих родителей.

– Мне ещё надо статью закончить, Таня завтра ждёт готовый материал.

Миша сидел, подперев щеку рукой, и наблюдал, как я готовлю.

– Марин, а где мы будем жить?

Я приподняла брови.

– Ты имеешь в виду у тебя или у меня? Тогда это риторический вопрос.

У него была однокомнатная квартира в одном из микрорайонов. Миша рассмеялся.

– И будем на пару валяться на ковре с ноутбуками.

Я задумалась.

– Ну... Ты, конечно, можешь перевезти свой компьютерный стол...

– Ты их не любишь, я знаю. И он не впишется в интерьер.

– Милый, как с тобой легко, – я подошла и чмокнула его в нос. – Вот за это я тебя и люблю.

Он не дал мне отстраниться и обнял.

– Правда, любишь?

– Ты во мне сомневаешься?

– Просто, ты часто бываешь не то, чтобы холодной, а какой-то далёкой и не сентиментальной, что ли...

– Миш, ты столько лет меня знаешь, я всегда такой была. Творческие люди частенько бывают на своей волне.

– Я знаю. Но иногда хочется, чтобы ты была другой. Со мной.

– Так тебе хочется горячих страстей? – в шутку спросила я и потянулась к подставке с ножами. – Сейчас устроим.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – улыбнулся он.

– Я думаю, после свадьбы всё изменится, – я сделала театральный жест, – инстинкты, законсервированные столько лет, наконец, заявят о своём существовании. Представляешь, что это будет? Такая выдержка!

– Жду не дождусь! – ответил он.

Я вздохнула.

– Только у меня по этой части – полный провал. Исключительно теория и никакой практики. Я болела, когда в школе проходили эту тему.

– Я думаю, – он поцеловал меня. – Мы наверстаем.

– Не сказала бы, что стала чувствовать себя намного увереннее, – заметила я. – Иногда мне кажется, что я вымирающий вид.

– Это же замечательно. Самый редкий, самый ценный вид, – он прижал меня к себе. – Настоящее сокровище.

Я с улыбкой уткнулось ему в шею. И всё остальное отошло на задний план.

Домой я возвращалась поздно. Сначала завезла Мишиных родителей, потом его самого. Было уже начало двенадцатого, когда я подъехала к подъезду и припарковалась рядом с соседским «навара». Потом вышла из машины и вдруг увидела на снегу большие пятна крови. Они вели к дверям подъезда. На самой двери темнел чёткий кровавый отпечаток ладони, как будто кто-то опёрся на неё, открывая. Мне стало, мягко говоря, не по себе. Ночь, пустой двор, а тут такое. У меня даже появилась мысль о том, чтобы развернуться, сесть в машину и поехать ночевать к родителям. Я в нерешительности стояла у подъезда. Мало ли что там... А потом подумала: вдруг кому-нибудь помощь нужна? Я набрала код, осторожно открыла дверь, заглянула внутрь. И увидела своего соседа. Он сидел прямо на грязном полу, закрыв глаза и прислонившись спиной к стене.

В этот момент овчарка, лежавшая с ним рядом, вскочила и зарычала. А потом вдруг прыгнула лапами мне на грудь. Я еле устояла. Всё это произошло так быстро, что я сразу даже не успела сориентироваться, подумала, что она на меня нападает. И только потом, когда Дакота, поскуливая, метнулась к Данилу, ткнулась носом ему в лицо, снова вернулась ко мне, залаяла, я поняла: не нападает – просит помощи.

Я бросила сумку и присела рядом с Данилом.

– Вам плохо? Что-то случилось?

Он медленно открыл глаза. Они были чёрными. Так бывает от сильной боли, зрачок расширяется настолько, что радужной оболочки становится практически не видно.

– Чёрт, ведь доехал сам, – процедил он сквозь зубы. – Думал, пронесёт...

Я опустила глаза и увидела, что руками он зажимал бок, а сквозь пальцы сочилась кровь.

– Ужас какой! – невольно вырвалось у меня. – Чем это?

– Ножом...

Вообще-то крови я не боялась, но сейчас меня предательски затошнило. Потому что её было слишком много, и я видела, как ему больно.

– Надо перевязать чем-нибудь... наверно, я не знаю, что делать... «Скорую» надо... или в больницу...

– Перевязывал... кровотечение сильнее стало...

Овчарка металась с нами рядом и скулила.

Я никогда и никому не оказывала первую помощь. В жизни не приходилось этого делать. Я лихорадочно пыталась сообразить, что предпринять и не впасть в панику. А потом, щёлк! И в голове как будто сработал автопилот, который начал руководить моими действиями. Единственное, что у меня было – это кашемировый шарф. Я сорвала его с плеч.

– Сейчас перевяжу ещё раз. А потом надо дойти до машины.

Он с трудом сфокусировал на мне взгляд.

– Это вряд ли...

– Надо! Я довезу тебя быстрее, чем «скорая» приедет.

Сколько у нас времени при таком кровотечении? Пятнадцать минут? Десять? Пять?

Я встала рядом с ним на колени.

– Ты сейчас уберёшь руки, а я перемотаю шарфом и затяну.

Шарфа хватило на два оборота, белая ткань моментально начала пропитываться кровью

– А теперь встаём. Давай, я тебе помогу.

Потом я вспоминала и сама удивлялась, как дотащила его до машины? Просто чудом каким-то. Ещё и собака путалась под ногами. Правда, сама заскочила на заднее сидение. Мы доехали за пять минут, хорошо, что больница была совсем недалеко, в центре. Я влетела в приёмное отделение:

– Позовите врача, там у меня в машине человек кровью истекает!

Медсестра продолжала невозмутимо разговаривать по телефону, сделав мне знак, мол, подождите. Ох, я бы ей сейчас так и врзала чем-нибудь! Я подскочила к стойке:

– Вы что, не понимаете? У меня в машине человек с ножевым ранением, врача зовите, быстрее!

Вот тут она, кажется, сообразила – вскочила, перезвонила куда-то, прибежал врач, прикатили носилки. Данил уже был без сознания. Я схватила врача за руку:

– Доктор, вы мне скажите, может заплатить надо будет, я в курсе как это обычно делается...

– Разберёмся, – бросил он. – Ждите в приёмном.

Я устало опустилась на скамейку у стены.

– Девушка, у вас вся куртка в крови, – сказала мне какая-то женщина. Я только махнула рукой. Все, кто сидел в приёмном, наблюдали за происходящим с большим интересом. Ещё бы, прямо как сцена из экшена.

– Девушка, подойдите, – окликнула меня медсестра из-за стойки. – Вы родственница? Документы есть?

– Нет, мы просто соседи... Может документы у него с собой. Я не знаю...

Я снова села на скамейку. Как такое могло случиться? Подрался? Напали? Он же профессиональный боец, у него реакция должна быть, как у змеи, мгновенной. И овчарка была рядом.

Я просидела больше двух часов. За это время приехал дежурный наряд, пришлось отвечать на вопросы милиции. А потом медсестра попросила меня подняться на второй этаж, к отделению реанимации. Вышел врач.

– Нормально всё, жить будет. Крепкий парень. И вовремя приехали. Полежит тут немного, потом в терапию переведём.

Только вернувшись к машине, я вспомнила о собаке, запертой в салоне. Что я с ней буду делать? Я открыла дверцу, и Дакота мгновенно выскочила наружу. Обнюхала меня, заскулила, метнулась взад-вперёд... Видимо, искала Данила.

– Куда же мне тебя девать, зверь? – вздохнула я. Никакой гарантии, что она будет меня слушаться. Но и не бросать же её здесь.

– Иди ко мне, Дакота, – позвала я. – Ко мне!

Дакота наострила уши. Я похлопала рукой по колену:

– Ну, иди сюда.

Она подбежала, и я наклонилась, чтобы погладить её. Признаться, не без опаски.

– Ну что, волчара, поедешь со мной? Домой. Дакота, домой.

Собака внимательно смотрела на меня. Я выпрямилась и открыла дверцу пошире.

– Давай, прыгай. Вперёд.

В этот момент мне невольно вспомнилось, как герой Белуши в фильме «Собачья работа» пытался наладить контакт с овчаркой Джерри Ли.

– Так, а ну прыг-прыг туда, быстро!

Удивительное дело, но это сработало. По дороге домой я только и думала о том, пойдёт ли она за мной в квартиру.

Собака не пошла. Легла у своей двери и – ни с места. Тащить её за ошейник я, понятное дело, не рискнула. Ну что ж, я сделала всё, что смогла. Покормлю её утром чем-нибудь. Главное, чтобы ни на кого из соседей не бросилась.

Было уже начало четвёртого. Я сбросила куртку прямо на пол, в прихожей, прошла в спальню и рухнула на кровать. И моментально отключилась.

Звонил телефон. Или будильник? Нет, всё-таки телефон. Я нащупала мобильный под подушкой и даже не посмотрела на номер.

– Аллю...

– Ты что, спишь? – Это была Таня. – Алмакаева, уже десять!

– Тань... – я провела ладонью по лицу. – У меня такая история ночью произошла. Я в больнице была...сейчас, приду в себя чуть-чуть, и примчусь.

Я села на краю кровати. Первой мыслью было: «Позвонить в больницу». Вроде, забивала в память телефона номер реанимации. Я пощёлкала кнопкой поиска. «Состояние стабильное», – сказали мне. Ну, Слава Богу». Кажется, я ещё не отошла от ночного происшествия. Я приняла горячий душ. Стало немножко легче. Потом сварила себе кофе и вылила в кружку пол пакетика сливок. Завтракать не хотелось. В коридоре, на полу лежала куртка, перепачканная кровью. Я сунула её в пакет, потом открыла дверь и выглянула на лестничную клетку. Дакота подняла голову и посмотрела на меня.

– Привет, волчара, – овчарка сдержано постучала хвостом по полу. Я оставила дверь приоткрытой и вернулась на кухню. Достала из шкафчика пластиковую миску, наполнила её рисом и добавила несколько кусочков цыплёнка под пармезаном. И отнесла это всё Дакоте.

– Бон апети, надеюсь, ты любишь итальянскую кухню.

Собака обнюхала миску. Потом вскочила и начала есть.

– Умница, – сказала я.

– Алмакаева, ты чего меня пугаешь! – набросилась на меня Таня, когда я приехала. – Ничего не объяснила толком... Что случилось?

– Сейчас расскажу, – я сняла дублёрку и повесила на плечики. – Слушай, включи чайник, пожалуйста. Там у меня в ящике стола плитка шоколада есть. А то я не позавтракала даже.

– Так может заказать чего-нибудь?

– Не надо, обойдусь шоколадкой с чаем.

7 декабря

В среду, после работы, я поехала в больницу. Данила уже перевели в отделение интенсивной терапии. Я вошла в палату, и остановилась у дверей. Он лежал с капельницей. Больше в палате никого не было.

– Привет

– Привет.

– Ну, как ты?

– Нормально. Жить буду.

– Это радует.

Я присела на соседнюю кровать.

– Я тебе поесть привезла. Знаю, как в наших больницах кормят.

– Спасибо. И вообще спасибо. Я вроде как у тебя в долгу теперь.

Я улыбнулась.

– Ну да, ты мне должен – новый кашемировый шарф.

Другой на его месте обязательно улыбнулся бы в ответ. Разве так можно? Совсем не улыбаться?

– Договорились.

– Так что с тобой случилось?

Он поморщился.

– Это... мои личные дела.

Спасибо хоть не прямым текстом «не лезь не в своё дело». Тяжело с ним разговаривать, колючий, как ёж. И это после того, как я ему жизнь спасла. Мне даже стало немножко обидно.

– Ладно. Поняла. Тебе... м-м, надо что-нибудь? Не переживай, мне не трудно. Я вообще такая – белая и пушистая, люблю людям помогать. Безвозмездно.

Он оценил мой сарказм.

– Не обижайся. Я, правда, тебе благодарен. Просто не привык быть слабым и от кого-то зависеть. Самое главное, где Дакота?

Я вздохнула.

– Лежит под дверью вашей квартиры. Третий день. Я её кормлю. Забрала бы к себе, но она не заходит. Не переживай, я за ней присмотрю. Ну, насколько это возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.